

Косые солнечные лучи с трудом пробивались сквозь темно-зеленую листву, шатром нависшую над головой. Аллея, окутанная мощными лозами винограда, была пряма и просторна. С нее и началось наше знакомство с колхозом «Кзыл Узбекистан», где председателем Абдуджамиль Маткабулов.

Если раздвинуть тугие упругие листья, то в просвет видны уходящие прямыми рядами вдаль пышные кроны персиковых, абрикосовых, гранатовых деревьев, а между ними — белоснежные пятна колхозных построек. Полей не видно, но мы догадываемся, что там, подальше, поднимаются к солнцу на бескрайних полях кустики бесценного хлопка.

Мы уже знали кое-что о колхозе. Многоотраслевое хозяйство... Четыре тысячи гектаров под хлопком, овощами, садами, виноградниками. Три с лишним миллиона рублей в новых деньгах составил в прошлом году доход колхоза...

Виноградная аллея долго еще дарила нам свою тень и прохладу, пока мы не вышли на небольшую зеленую площадку с бассейном посередине. Загорелая молодая женщина в белом халате шла нам на-

проказы какого-то шаловливого Тахира, вечерняя прогулка, предстоящий приезд в гости к ребятам артистов кукольного театра — все это было интересно и важно.

РАЗГОВОР НА ПЕРЕМЕНЕ

В здание школы мы попали лишь после того, как последний мальчишка пулей выскочил из дверей. Все понятно: большая перемена, а на улице простор и солнце. И все-таки, несмотря на такие непреодолимые соблазны, в одной из классных комнат несколько подростков оживленно обсуждали что-то со своим учителем. Высокий, юношески угловатый, он не уступал своим ученикам в почти ребяческой запальчивости.

Признаюсь, мы были несколько удивлены, узнав, что предметом столь ожесточенных споров оказалось решение алгебраической задачи, помещенной в школьной математической газете.

Уроженец здешнего села, Абдад Исабаев. преподает математику в 8—10 классах. С увлечением рас-

сказывал он нам о математических вечерах и олимпиадах, о последних открытиях в науке и технике (Абдад получает многие подписные технические и научные издания), о своих учениках и особенно тепло — о тех, кто пошел по стопам своего учителя и поступил на физико-математический факультет

Ташкентского педагогического института.

— Худайберген, Елюбаев, братья Тухубаевы, Аханова... — перечислял Абдад. — И все они, конечно, вернутся после окончания в свой колхоз. Дела для них хватит. Ведь в нашем «Кзыл Узбекистане» 11 школ, 160 учителей и больше 100 из них родились здесь, выросли и окончили школу.

Зазвенел звонок. Под шум и крики возвращавшихся ребят мы попрощались с Абдадом.

НАШ ГИД, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ЦВЕТЫ

— Ну-ка, посмотрите внимательнее, разве этот цветок просто красный?

Напряженное молчание.

— Вот здесь, в середине, он, по-моему, желтоватый...

— А по краям почти розовый... — ребячья голова звучит все увереннее.

— А вы знаете историю этого цветка? Слушайте...

Нет, это не урок ботаники.

Просто мы случайно услышали разговор молодой воспитательницы колхозной школы-интерната Махбубы Халимовой. Этот «урок» проходил на лужайке, окруженной высокими цветущими кустами. Признаюсь, нам тоже было интересно услышать поэтичную легенду о прекрасном тюльпане.

Через полчаса в сопровождении шумной ватаги школьников — каждый тянул в свою сторону, желая показать «самое интересное» — мы вошли в одно из трех зданий школы-интерната.

Спортивный зал (сейчас неподалеку строится большой стадион, рассказывает Махбуба); зал, где проводятся концерты и вечера; швейные и столярные мастерские — старшеклассники проходят здесь

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

встречу. Это была первая встреча, первый разговор из длинной вереницы встреч и впечатлений этого дня, который мы посвятили знакомству с молодой интеллигенцией узбекского колхоза.

У ХОЗЯЙКИ БОЛЬШОГО ДОМА

— Саида Абдужабаровна, — представилась женщина. Голос ее был спокоен, мягок, а четкие интонации безошибочно говорили о профессии.

— Да, я действительно педагог по образованию. Но у нынешних моих «воспитанников» возраст несколько нешкольный.

Саида оказалась директором колхозного дома отдыха и детского сада.

В двух двухэтажных зданиях, опоясанных верандами, которые выходили на лужайку с бассейном, разместился дом отдыха. Мы заглянули в одну из комнат, они рассчитаны на одного-двух человек, на кухню, откуда неслись пряные и острые запахи узбекских блюд, в уютные небольшие холлы с телевизорами и книжными стеллажами. Дом отдыха и детский сад содержатся на средства колхоза, рассказала Саида. И отдыхающие, и родители, поместившие своих детей в детский сад, не вносят никакой платы. А сейчас я покажу, где живут наши малыши.

Перед зданием детского сада, окруженным огромными ореховыми деревьями, журчал фонтан, а в доме царили тишина и белоснежность. В маленьких кроватях посапывали смуглые ребятки. В комнатах для игр, застланных яркими коврами, воспитательницы раскладывали по местам плюшевых мишек, зайцев, тигрят... Мы поняли очень быстро, что теперь нашей хозяйке уже не до нас:

производственную практику; комнаты драматического, краеведческого, танцевального, музыкального, юннатского и других кружков; комнаты отдыха с бильярдами, телевизорами, книжными шкафами. В следующем здании — спальни.

— Тут живут мои четвероклассники, — говорит Махбуба. Но, пожалуй, мы и сами бы об этом догадались — в этих комнатах особенно много цветов.

Когда мы проходили мимо классов, чей-то мальчишеский голос восторженно вещал по школьному радио о прелестях турпоходов и песен у костра.

— Скоро наши ребята (конечно, те, которые хотят) уезжают в пионерские лагеря. А это один из энтузиастов, — улыбнулась Махбуба. — Хотя там действительно хорошо: горы, быстрая река, огромная ореховая роща... Несомненно, и тоненькая, подвижная Махбуба принадлежала к этому неугомонному племени энтузиастов.

Потом она повела нас в небольшую тихую комнату, где под неторопливый шелест аккуратно подшитых бумаг мы записали несколько цифр. Вот они. В школе-интернате 319 детей многодетных семей колхозников. Учеба, питание, одежда — все это обходится родителям не больше трех рублей в месяц (плата колеблется в зависимости от количества детей и заработка родителей), 37 родителей совсем ничего не платят. По субботам школьные машины развозят детей по домам, а в понедельник утром привозят обратно.

...Под ногами приятно похрустывала посыпанная гравием дорога. Укрытые тенью плодовых деревьев, мы шли вместе с Махбубой по главной улице села, мимо колхозного музея — красивого белокаменного здания, украшенного национальным орнаментом (здесь собраны картины узбекских художников), мимо колхозной фермы (там установлены новейшие доильные и автопоильные аппараты, объяснила Махбуба), мимо колхозного университета культуры (известные литературоведы читают здесь лекции о литературе и истории Узбекистана), мимо строящегося трехэтажного дворца культуры, мимо огромных гаражей (в «Кзыл Узбекистане» 50 машин и около 100 различных тракторов, а руководит всем этим хозяйством молодой инженер Бахрам Икрамов), мимо утопающих в зелени домов колхозников. Махбуба рассказала, что эти четырехкомнатные дома строит колхоз. Сюда на строительство (2,5 тысячи рублей) выплачивается застройщиками в течение 10—15 лет. Около одного из домов мы остановились.

— Вот я и у себя, — сказала девушка. — Здесь живут мои родители. Мама меня уже, наверное, ждет к обеду...

САМАЯ ХОРОШАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

— Да, со строительством хирургического отделения надо поторопиться, — молодое лицо терапевта Турахаджаева серьезно, но на лбу никак не хочет собраться сердитая складочка. — Ведь вот у нас уже и свой хирург подрос. — Молодой врач кивает на проходящую мимо девушку в белом халате. — Через пару месяцев у нашей Артоек будет диплом врача. Уроженка села? Ну, конечно, — отвечает он на наш вопрос. — Как и я, как и другие врачи, сестры, фельдшера, акушерки... Наша лаборатория, рентгеновский, терапевтический, детский и зубной кабинеты ничуть не хуже, чем в городах.

Врач с охотой рассказал о профилактике заболеваний, о ежегодных прививках, медицинских пунктах и фельдшерских пунктах, о лекциях, которые читают врачи колхозникам.

...В соседнем здании родильного дома молодая акушерка с милым открытым лицом открыла дверь в одну из палат:

— Вот какие все здоровяки! — сказала Тольгеной Дадыбаева чуть горделиво и убежденно добавила: — Самая хорошая у меня специальность. Вот у моей матери нас двенадцать, и она мне то же самое говорит. Наверное, поэтому четверо моих братьев и сестер уже врачами стали.

ПОДСЧИТАЙТЕ!

Научный центр колхоза. Отсюда идет на поля самая передовая научная мысль, здесь теория и практика, сливаясь, дают ценный сплав, здесь исправляют, меняют природу, делают ее еще более разумной и полезной.

Такие или почти такие мысли пришли нам в голову после того, как молодой агроном Марат Хаджиев познакомил нас с работой элитно-семеноводческого хозяйства колхоза.

На 40 гектарах земли ведут научные работники неустанные исследования и наблюдения над посевами хлопчатника, который поддерживается в колхозе на уровне стопроцентной чистоты сорта. Медленно, но неуклонно улучшается длина и крепость волокна.

— С 1950 года нам удалось повысить выход волокна на 2,5 процента, — сказал с гордостью Марат. — Подсчитайте-ка, сколько это будет вагонов хлопка, если наш колхоз заготавливает в год 61 тысячу центнеров волокна?

* * *

Когда мы покидали лабораторию элитного хозяйства, стараясь подсчитать, сколько же все-таки это будет вагонов, тени деревьев уже перекрывали всю дорогу. Колхозники возвращались с полей. Нас обгоняли велосипеды и мотоциклы. Теплый вечер опускался на село.

Колхозники сельхозартели «Кзыл Узбекистан» в одном из залов своего художественного музея.

Фото Р. Шамсутдинова. (Фотохроника ГАСС)

